

18+

ДМИТРИЙ ГОЛЯКОВ

Ярый

«НУЛЕВОЙ КРУГ»

Дмитрий Голяков

Ярый. Нулевой круг

«Издательские решения»

Голяков Д.

Ярый. Нулевой круг / Д. Голяков — «Издательские решения»,

Наёмник Ярослав, позывной «Ярый», погибает в перестрелке, но вместо ада или рая попадает в Междумирье — серую бюрократическую систему, где души принуждают проходить «уроки» за кармические долги. Советники требуют от Ярого раскаяния и сто лет одиночной «Бочки». Но бывалый солдат не умеет подчиняться. Он ломает стены реальности, воскресает в собственном теле и собирает команду из таких же отверженных, чтобы уничтожить Совет. Их оружие — не пули, а воля к жизни. Первая книга цикла.

© Голяков Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Последний патрон	6
Глава вторая. Урок первый	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ярый Нулевой круг

Дмитрий Голяков

© Дмитрий Голяков, 2026

ISBN 978-5-0069-8865-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Последний патрон

Он не любил умирать. Особенно днём, под хруст битого стекла и запах горелой проводки. Но выбора, как обычно, не было.

— Ярослав, бросай ствол! Ты окружён!

Голос из мегафона резал слух. Ярый усмехнулся и сплюнул на пол. Кровь смешалась с пылью. Левое плечо горело огнём — пуля задела ещё на входе, когда он тащил того сопляка-контрактника наружу. Сопляк теперь лежал в коридоре с закрытыми глазами, и Ярый знал, что тот уже ничего не чувствует. А вот сам Ярый чувствовал всё.

— Я сказал, бросай! Это приказ!

— А я говорю — идите вы, — прошептал он и перезарядил.

В магазине оставался один патрон. Последний. Ярослав взвесил его на ладони — тяжёлый, латунный, пахнувший медью и обещанием. За дверью топало ещё минимум четверо. Может, пятеро. Он не считал.

Позади — стена. Справа — окно, но третий этаж. Слева — шкаф, который можно опрокинуть, но нога уже не слушалась. Осколок кости, наверное. Когда успел? В горячке не заметил.

«Жаль, — подумал он спокойно, как о погоде. — Не допил тот коньяк. Хороший был, армянский.»

Дверь взорвалась внутрь. Не от взрывчатки — от мощного пинка. В проёме выросла фигура в бронежилете и шлеме с опущенным забралом. Ярый выстрелил не глядя. Пуля вошла точно в щель между бронеплитами. Фигура осела мешком.

Но следом ломались ещё двое. Ярый сунул руку за пазуху — там лежал нож, который он выточил из обломка арматуры ещё в первую командировку. Нож он назвал «Зубочистка». Глупое имя, зато острый, как злоба.

— Зубочистка, поработай, — сказал он, и это были его последние слова в этом мире.

Первый из вошедших успел вскинуть автомат, но Ярый уже был внутри его защиты. Лезвие вошло под рёбра, провернулось, вышло. Второй оказался быстрее — он не стал целиться, просто ударил прикладом в висок.

Свет погас не сразу. Сначала рассыпался на осколки, как зеркало, потом каждый осколок засиял по-своему, потом Ярослав понял, что смотрит на собственное тело со стороны. Оно лежало на полу, привалившись к шкафу, и в глазах застыло то самое выражение, которое он видел у сотен убитых им людей.

«Сволочи, — мысленно выругался Ярый. — Полы испачкали.»

Ожидал ли он тьмы? Туннеля? Ангелов с трубами? Ничего такого. Просто комнату заволкло серым туманом, а когда туман рассеялся, Ярослав стоял босиком на кафельном полу. Бесконечный коридор. Лампы дневного света под потолком. И запах — смесь хлорки и чего-то сладковатого, как в морге.

— Первый уровень, — раздался голос откуда-то сверху. Беспольный, вежливый, до омерзения спокойный. — Идентификация: душа Ярослав, позывной «Ярый». Статус: неоплаченный кармический долг. Переход в Зал Советников через семь секунд.

— Что за хрень? — спросил Ярый в потолок.

Но потолок не ответил. Вместо этого пол под ногами разверзся, и он провалился вниз. Ни страха, ни удивления — только холодная злость. Летел он ровно столько, чтобы успеть подумать: «Если это ад, то я сожгу его дотла. Уж больно убогая декорация.»

Приземление вышло мягким. Ярослав стоял посреди круглого зала с колоннами из чёрного мрамора. В центре парил стол, а за столом сидели трое. На вид — обычные люди в серых костюмах. Но глаза у них были пустые, как у кукол.

— Ярослав, — сказал тот, что посередине. — Садись. Нам нужно обсудить твои ошибки.

— У меня нет ошибок, — ответил Ярый. — Есть только задачи, которые я решил неподобающим образом. Где моё тело? Я хочу назад.

— Ты умер. Это не обсуждается. — Кукольное лицо не дрогнуло. — Твоя душа должна пройти «уроки». Их три. После каждого — перерождение. Если усвоишь — поднимешься на следующий уровень. Если нет — останешься здесь.

— Здесь — это где?

— Это Междумирье. Место, где души готовятся к новым воплощениям. Твоя задача — понять, почему ты убивал, почему не любил, почему причинял боль. И простить. Себя и других.

Ярый наклонил голову, разглядывая «советника». Потом медленно, по-звериному улыбнулся.

— Ты хочешь, чтобы я простил тех уродов, которые расстреливали детей в школе? Которые отрезали пальцы заложникам, чтобы получить выкуп? Которые... — Он запнулся. — Слушай, кукла. Я не для того три войны прошёл, чтобы теперь какой-то чиновник из загробного мира читал мне лекции по этике. Где выход?

— Выхода нет. Только уроки.

— Хорошо. — Ярый шагнул к столу. — Покажи мне свой первый урок.

Советники переглянулись. Тот, что слева, щёлкнул пальцами. Пол раскололся, и из трещины поползла тьма — густая, маслянистая, с запахом старого подвала и увядших роз. В тьме угадывались очертания: стены, сводчатый потолок, железная дверь с круглым глазком.

— Урок первый, — произнёс центральный голос. — Называется «Бочка». Ты будешь заживо замурован в этой комнате. Один. На сто лет. Время здесь течёт иначе. Каждая минута растянется в год. И каждый день ты будешь вспоминать всех, кого убил. Каждое лицо. Каждый крик. А когда научишься чувствовать вину — мы тебя выпустим.

Ярый посмотрел на открывающуюся бездну. На чёрную дверь. На белые лица советников. И вдруг понял главное: они не всемогущи. Они боятся. Боятся его так же, как он боится этого подвала.

— Сто лет в одиночке? — переспросил он. — А если я сломаю дверь?

— Это метафизическая дверь. Её нельзя сломать физической силой.

— А я и не буду физической, — усмехнулся Ярослав.

Он не знал, как именно это работает. Но в тот миг, когда бездна коснулась его ног, он сделал то, чему научился за двадцать лет войны. Он не принял ситуацию. Он взбесился. Настоящей, холодной, животной злобой — той, которая превращает человека в машину для уничтожения.

И в этой злобе он шагнул не в дверь, а сквозь неё.

Кулак — и мраморная колонна разлетелась осколками. Второй удар — и стена зала дала трещину. Третий — и мир содрогнулся.

Советники вскочили. Их кукольные лица пошли рябью.

— Невозможно! — закричал центральный. — Ты не можешь разрушать конструкции Междумирья! У тебя нет для этого... у тебя нет... у тебя...

— У меня есть я, — сказал Ярый. — И мне насрать на ваши уроки.

Трещина разрослась, и сквозь неё хлынул свет — не серый, не больничный, а настоящий, живой, земной. Запах пороха и крови. Где-то там, далеко, ждало его тело. Холодное, мёртвое, но пока ещё целое.

Ярослав шагнул в трещину.

А за спиной советники завывали — не людьми, не куклами, а чем-то древним, забытым, как выглядит настоящая, не облагороженная ненависть.

— Он сломал круг! — крикнул один.

— Верните его! — вторил другой.

Но было поздно. Ярый уже проваливался сквозь слои реальности, сжимая в кулаке единственное, что он умел делать хорошо — желание жить, даже когда жизнь кончилась.

Он падал сквозь слои, как сквозь этажи горящего дома.

Сначала шёл слой боли. Ярослав чувствовал каждую пулю, каждое ранение, каждую сломанную кость — не свои, а тех, кого он убил. Осколки черепов, хруст рёбер, запах крови, смешанной с кипящим жиром. Но он не закричал. Не зажмурился. Он просто летел дальше, повторяя про себя:

— Не моя боль. Чужая. Не моя.

Потом слой страха. Чужие агонии накрывали его, как волны. Девушка, которую он застрелил на блокпосту, потому что она не остановилась. Старик, которого он добил прикладом, потому что тот не хотел бросать гранату. Ребёнок в подвале — тот самый, которого он не успел. Война не выбирает. Ярый знал это. Но чужие глаза всё равно вгрызались в него, как клещи.

— Убирайтесь, — прошептал он. — Все вы уже мертвы. Я тоже. Не мешайте.

И они отступили. Не потому, что испугались — мёртвые не боятся. А потому, что Ярый оказался сильнее. Не телом — волей. Он просто решил, что эти призраки ему не указ, и они растаяли, как утренний туман над болотом.

Третий слой оказался самым странным. Он пах свежей выпечкой и бензином. Вокруг мелькали картинки: его комната в казарме, первая сигарета в десять лет, мать, которая плакала на вокзале, когда он уезжал в «учебку». Ярослав хотел остановиться, задержаться на этих воспоминаниях, но понял — это ловушка. Если начнёт жалеть себя, не выберется никогда.

Он сжал кулак и ударил пустоту.

Удар пришёлся по чему-то твёрдому. Мир треснул, как яичная скорлупа, и Ярый вывалился наружу, больно ударившись плечом о бетонный пол.

— Твою мать, — выдохнул он и открыл глаза.

Потолок был знакомым. Белая побелка, трещина в углу, люминесцентная лампа, которая мигала с частотой пулемётной очереди. Он лежал на полу коридора — того самого, где минуту назад (или вечность?) принял свой последний бой.

Ярослав осторожно приподнялся. Руки слушались, ноги — тоже. Он ощупал плечо — там, где была пуля, теперь только свежий розовый шрам, как после заживления за месяц. Голова не болела, хотя приклад вошедшего размозжил ему висок. Тело выглядело так, будто он проспал в горячей ванне неделю.

— Воскрес, — констатировал Ярый. — Не ожидал.

Рядом лежали тела. Трое. Двое — те, кого он завалил в перестрелке, и один — тот самый контрактник, которого он пытался вытащить. Ярослав перевернул парня на спину. Глаза открыты, зрачки расширены, на шее — синюшные пятна. Поздно. Очень поздно.

— Прости, брат, — сказал Ярый тихо. — Не довёз.

Он закрыл парню глаза и встал. Пол под ногами хрустел стеклом и гильзами. В коридоре пахло смертью — резко, сладко, тошнотворно. Ярослав поморщился и пошёл к выходу. Ноги слегка подкашивались, но держали. Выходная дверь оказалась выбитой — видимо, те, кто штурмовал, уже ушли. Или не ушли?

Он осторожно выглянул на лестничную клетку. Пусто. Только запах пороха и где-то далеко вой сирены. Скорая, что ли? Или полиция? Впрочем, какая разница. Ярый знал одно: его объявят в розыск. Если он жив, значит, он — свидетель. А свидетелей, которые видели, как их пытались завалить целым отрядом, обычно не оставляют в живых.

— Значит, сваливаем, — решил он.

Но сваливать пришлось не сразу. Сначала — найти обувь. Босиком по битому стеклу далеко не уйдёшь. Ботинки он снял с убитого штурмовика — того, которого завалил последним выстрелом в шею. Тот оказался примерно одного размера. Ярый молча стянул с трупа

бронежилет, разгрузку, забрал автомат и два магазина. В кармане убитого нашёл армейский нож — не чета его «Зубочистке», но сойдёт.

— Спасибо за службу, — бросил он мертвецу и двинулся вниз по лестнице.

На улице уже смеркалось. Дом, где шёл бой, стоял на отшибе — заброшенное общежитие на окраине города. Ярый знал это место: сюда часто приезжали «зачищать» подозрительных, но обычно без свидетелей. Сегодня что-то пошло не так. Тот контрактник, которого он ташил, оказался сыном какого-то большого человека. Ярослав не спрашивал имён — ему заплатили, он делал работу. А теперь работа кончилась, и клиент мёртв, и самого Ярослава, по идее, тоже не должно быть.

— Но я есть, — сказал он вслух и усмехнулся. — Идите лесом, господа хорошие.

Он быстро зашагал в сторону гаражей. Там, за третьим рядом, стоял его «УАЗ» — старый, ржавый, но надёжный, как лопата. Ярый сел за руль, повернул ключ. Двигатель чихнул, но завёлся. Он выехал на трассу и взял курс за город.

В зеркало заднего вида он видел, как горизонт заливается оранжевым. Где-то там остались тела, советники в серых костюмах и дверь в Междумирье, которая, наверное, так и осталась открытой. Ярый не знал, что будет дальше. Знал только одно: он не умер. А если не умер — значит, надо жить. Хотя бы до тех пор, пока не поймёт, что с ним случилось на том свете.

— Нулевой круг, — пробормотал он, выруливая на просёлочную дорогу. — Интересно, а есть ли первый?

Луна висела низко, жёлтая, как старый ноготь. Ярослав гнал машину в никуда, и где-то глубоко внутри, под слоем злости и усталости, шевелилось странное чувство. Он не боялся смерти. Он боялся только одного: что всё это — не случайность. Что те куклы в сером были правы, и ему действительно предстоит какие-то «уроки». Но Ярый не собирался их учить. Он собирался их проломить.

— Как стену, — сказал он и нажал на газ.

«УАЗ» взревел, подпрыгивая на колдобинах. В багажнике звякнули пустые бутылки — вчерашние, из-под коньяка, того самого, армянского. Ярый скосил глаза на приборную панель. Часы показывали половину одиннадцатого вечера. Он умер в три часа дня. Выходит, прошло всего семь часов, а не сто лет.

— Или не семь, — поправил он себя. — Хрен его знает.

Остановился он у лесополосы, километрах в тридцати от города. Выключил двигатель, вышел из машины. Ночь пахла сырой землёй и прелыми листьями. Ярослав опёрся на капот, закурил — сигареты остались в бардачке, чудом не конфискованные. Сделал глубокую затяжку и посмотрел на небо.

Звёзды висели как обычно — далёкие, холодные, равнодушные. Но одна из них, самая яркая, вдруг мигнула и изменила цвет. С белого на багровый. Ярый протёр глаза — показалось. Нет, не показалось. Звезда горела красным, как сигнальный огонь на вышке.

— Только этого мне не хватало, — вздохнул он.

Докурил, затушил бычок о подошву ботинка и полез обратно в машину. Спать сегодня не придётся — надо валить дальше. Туда, где нет камер, нет постов, нет этих долбанных советников. Ярый знал такое место. Старая база в глухой тайге, брошенная ещё в девяностые. Там он пересидит, пока не утихнет шум.

Перед тем как завести мотор, он посмотрел на свою правую руку. На запястье появилась тонкая серая полоска — как шрам, только без рубцов. Ярый потёр её пальцем. Полоска не исчезла, а наоборот, стала тёплой.

— Метка, — догадался он. — Поставили, сволочи.

Он зло сплюнул и повернул ключ зажигания. «УАЗ» послушно рыкнул и покатил в темноту. А над лесополосой, высоко-высоко, багровая звезда продолжала мигать. Или это был не звезда? Ярый старался не думать об этом. Потому что если начать думать — можно сойти с

ума. А сходить с ума он не собирался. Он собирался жить. Назло всем. Назло себе. Назло тем, кто решил, что он должен проходить уроки в подвале.

— Нулевой круг, — повторил он ещё раз, въезжая в темноту леса. — Ну что ж, посмотрим, кто кого.

Лес сомкнулся над дорогой, как челюсти капкана. Ярослав включил дальний свет и нажал на газ. Где-то в глубине сознания заскреблись голоса советников: «Ты должен простить... Ты должен понять... Ты должен...»

— Ничего я вам не должен, — сказал Ярый. — Особенно тем, кто сидит в серых костюмах и торгует душами.

И лес, словно услышав его, вздохнул. Ветки скрипнули, где-то ухнула сова. Обычная ночь. Обычная дорога. Обычный беглец, который только что воскрес из мёртвых и даже не удивился.

Но самое странное было впереди. Ярый этого ещё не знал, но та багровая звезда — или что это было — уже меняла свою траекторию. Она падала. Прямо на него. Или не на него? Или на то место, куда он ехал?

В любом случае, Ярославу было плевать. Он везде найдёт, кому набить морду. Даже если этот «кто-то» — сама вселенная.

Лес тянулся бесконечно. Дорога — разбитая лежнёвка — петляла между соснами, как раненый зверь. Ярослав вёл «УАЗ» уже четвёртый час. Фары выхватывали из темноты куски мха, коряги, редкие столбы с облезлыми номерами. Где-то здесь, по карте памяти, должен быть поворот на старую геологическую базу. Он там был один раз, лет десять назад, когда ещё возил контрабанду через тайгу.

— Не сбиться бы, — пробормотал он, вглядываясь в придорожные заросли.

Багровая звезда теперь висела прямо над горизонтом. За эти часы она заметно выросла. Раньше была с булавочную головку, теперь — с ноготь мизинца. И цвет менялся: от тёмно-алого до почти белого, с неприятным фиолетовым отливом. Ярый старался не смотреть на неё. Но не получалось. Она притягивала взгляд, как присоска.

— Да что ж ты такое, — выругался он, сворачивая на очередной просёлок.

Машина чихнула, перевалилась через глубокую колею и заглохла. Ярослав выжал сцепление, повернул ключ — стартер зацокал, но двигатель не схватил. Он повторил попытку. Тишина. Только ветер шуршит по крыше и где-то далеко плачет птица.

— Бензин, — осенило его. Ярый глянул на приборы — стрелка давно лежала на нуле. В суматохе он забыл заправиться. Тот коньяк, последние часы, воскрешение — всё смешалось в башке.

— Твою ж мать, — спокойно сказал он, вышел из машины и хлопнул дверцей.

Ночь обступила его со всех сторон. Воздух пах грибами и холодным железом. Ярый достал из кармана телефон — ноль процентов. Заряда тоже не было. В бардачке нашёл старый компас и полпачки галет. Еды — на один укус.

— Значит, пешком, — решил он.

Он прихватил автомат, два магазина, нож и галеты. Компас показывал на северо-восток — туда, где, по его расчётам, находилась база. Километров десять, не больше. К утру дойдёт.

Ярослав зашагал по дороге. Гравий хрустел под ботинками — хорошими, казёнными, снятыми с трупа. Он шёл быстро, не оглядываясь. Но чувство, что за ним следят, не отпускало. Не спереди, не сзади — сверху. Оттуда, где висела багровая тварь, которую он принял за звезду.

— Иди ты, — бросил он в небо, не поднимая головы.

И вдруг — тишина. Звериная, плотная, как стена. Ветки перестали скрипеть. Сова умолкла. Даже ветер стих. Ярый остановился, машинально передёрнул затвор. Тишина давила на уши. А потом он услышал шаги. Сзади.

Он резко обернулся — никого. Только дорога, убегающая в темноту. Шаги прекратились. Ярый постоял секунду, потом двинулся дальше. Шаги возобновились — на этот раз впереди.

— Выходи, — сказал он негромко. — Я всё равно тебя пристрелю. Даже если ты призрак.

Никто не вышел. Зато прямо на дороге, метрах в десяти, начал сгущаться воздух. Сначала как марево в жару, потом — плотный серый туман, а потом из этого тумана вышли трое. В серых костюмах. С кукольными лицами. Те самые.

— Ярослав, — сказал центральный. — Ты убежал. Это было неразумно.

— А я разумным никогда не был, — огрызнулся Ярый, вскидывая автомат. — Сейчас проверю, пули вас берут или нет.

Он нажал на спуск. Очередь ушла в молоко — костюмы даже не шелохнулись. Пули прошли сквозь них, как сквозь голограмму.

— Физическое оружие не действует на нас, — спокойно объяснил советник. — Мы не из этого слоя. Ты и сам теперь не совсем из этого. Твоё тело воскресло, но метка на запястье — это мост. Через него мы можем приходить. И будем приходить, пока ты не согласишься пройти уроки.

— А если я отрежу руку? — спросил Ярый.

— Метка на душе, а не на теле. Отрежешь руку — она появится на другой.

Ярослав опустил автомат. Понял: стрелять бесполезно. Но сдаваться — тоже. Он сунул оружие за спину, закурил последнюю сигарету и спросил:

— Чего вам надо?

— Чтобы ты понял. — Советник сделал шаг вперёд. — Ты убил тридцать семь человек. Не на войне — там счёт другой. А в мирной жизни. За деньги. По приказу. Иногда просто потому, что они мешали. Мы хотим, чтобы ты увидел каждого из них. Вспомнил их имена. И попросил прощения.

— Не дождётесь, — усмехнулся Ярый.

— Тогда мы будем приходить каждую ночь. И приводить их с собой. Тех, кого ты убил. Они будут стоять у твоей кровати. Шептать. Смотреть пустыми глазами. Гнить. Разлагаться. Ты будешь чувствовать их запах, слышать их хрипы. Это не галлюцинации. Это реальность другого слоя.

Ярый молчал. Дым от сигареты тянулся вверх, к багровой звезде. Советники ждали.

— А если я вас всех пошлю? — наконец спросил он.

— Мы уже там, — ответил советник и улыбнулся — впервые за всё время. Улыбка получилась кривая, нечеловеческая. — Думаешь, ад — это огонь и смола? Нет, Ярослав. Ад — это вечное осознание своей вины. А мы — просто курьеры. Ты сам построил свой ад. Мы лишь показываем дверь.

Они начали таять. Сначала растворились лица, потом костюмы, потом — серый туман. Тишина разжала челюсти — снова заскрипели ветки, захала сова. Ярый остался один посреди дороги. Сигарета догорела до фильтра, обожгла пальцы. Он бросил бычок и пошёл дальше.

Но теперь он шёл быстрее. Почти бежал.

— Психологи хреновы, — бормотал он, продираясь через кусты. — На вину давят, на совесть... А мне насрать на вашу совесть. Я делал то, что должен был. Выживал. И других спасал. Иногда не получалось. Но виноватым себя не считаю.

Он выскочил на поляну. И замер.

Прямо перед ним, в лунном свете, стояла база. Два барака, вышка с облезлой антенной, ржавый трактор у входа. Всё, как он помнил. Но окна горели. Жёлтым, тёплым светом. Из трубы одного барака шёл дым. Кто-то здесь жил.

Ярый снял автомат с предохранителя, крадучись двинулся к дверям. По пути заглянул в окно — внутри горела керосиновая лампа, на столе лежал хлеб, кружка, початая бутылка водки. И никого.

— Есть кто? — крикнул он, войдя внутрь.

Тишина. Только лампа шипит. Ярый обошёл комнату — ни следов, ни пыли, ни вещей. Стол, стул, кровать с серым одеялом. И на подушке — записка. Он взял её, прочитал.

«Ярослав. Добро пожаловать в Нулевой круг. Это не база. Это твоя комната ожидания. Завтра начнётся первый урок. Выспись. Понадобятся силы. P.S. Водка настоящая. Не отравлена. Честное слово советника.»

Ярый смял записку, швырнул в угол. Потом подошёл к столу, налил водку в кружку — до краёв. Выпил залпом. Обожгло горло, растеклось теплом по груди.

— Чтоб вы провалились, — сказал он пустой комнате. — Все. До единого.

Он скинул бронезилет, автомат положил рядом с кроватью, лёг поверх одеяла. Закрыв глаза. В голове гудело: тридцать семь лиц, тридцать семь смертей, тридцать семь душ, которые, возможно, сейчас стояли за окном и ждали.

Но Ярослав не боялся мёртвых. Он боялся живых. И себя — чуть-чуть. Совсем капельку. Настолько, чтобы не уснуть без кошмаров.

Кошмары пришли сразу. Как только сознание провалилось в темноту.

Ярослав не видел снов уже много лет — война отбила эту привычку. Обычно он просто вырубался на пару часов и просыпался от любого шороха, готовый стрелять. Но сейчас сон накрыл его плотным, вязким одеялом, и он провалился не в темноту, а в свет.

Яркий, жёлтый, похожий на свет лампы накаливания. Ярый стоял посреди пустой комнаты без окон и дверей. Стены белые, пол кафельный, потолок высокий. И — ни одного выхода. Только в центре комнаты стоял старый кухонный стол, а на нём — кружка с водкой, которую он только что пил на базе.

— Знакомая декорация, — сказал Ярослав, оглядываясь. — Снова ваши уроки? Выходите, советники. Не прячьтесь.

Никто не вышел. Зато из стены, прямо из кафельной плитки, начала вытекать фигура. Сначала бесформенное пятно, потом — силуэт, потом — человек. Мужчина лет пятидесяти, в засаленном пиджаке, с разбитым лицом. Кровь текла из носа, из ушей, из уголка губ. Он смотрел на Ярослава стеклянными глазами и улыбался. В улыбке не хватало трёх зубов.

— Узнаёшь? — спросил мужчина голосом, похожим на скрип ржавых петель.

— Нет, — честно ответил Ярый. — Ты кто?

— Я — твой первый. Самый первый. Тот, кого ты убил не на войне, а в переулке за мясокомбинатом. 2008 год. Июнь. Я должен был заплатить тебе пятнадцать тысяч за охрану, а я не заплатил. Помнишь?

Ярослав напряг память. 2008-й. Июнь. Мясокомбинат. Тёмный переулок, запах тухлого мяса, вонь из сточной трубы. Кто-то действительно должен был ему деньги. Какой-то мелкий цеховик, который нанял его «крышевать» палатку с шаурмой. А потом решил слиться. Ярый тогда был молодой, горячий — взял обрез и пошёл разбираться. Цеховик испугался, побежал, упал. Ярослав ударил его прикладом по голове — один раз, не со зла, просто чтобы остановить. Цеховик больше не встал.

— Было, — сказал Ярый. — Но я не специально.

— А какая разница? — мужчина шагнул вперёд. Кровь с его лица капала на кафель и не растекалась, а застывала красными шариками, как ртуть. — Моя дочь осталась без отца. Жена спилась. Ты забрал не мою жизнь — ты забрал жизни ещё трёх человек. И тебе плевать. Ты даже имени моего не помнишь.

— А ты представься, — усмехнулся Ярый.

— Пётр. Петраков. Запомни теперь. Потому что я буду с тобой каждую ночь. До тех пор, пока ты не произнесёшь: «Прости, Пётр, я был не прав».

— Не дождёшься, — отрезал Ярослав. — Ты сам виноват. Не надо было кидать людей, которые с тобой по-честному.

Пётр замер. Его лицо начало меняться — кожа пошла пузырями, как кипящее масло. Глаза вылезли из орбит, рот растянулся до ушей. Он превращался в нечто, не имеющее ничего человеческого.

— ПРОСТИ, — заорал он голосом, в котором смешались стоны, крики и плач. — ПРОСТИ МЕНЯ, ЯРОСЛАВ! НЕ Я ВИНОВАТ, А ТЫ! ТЫ УБИЙЦА! ТЫ НЕ СПАСАЛ — ТЫ УНИЧТОЖАЛ!

Ярослав сделал шаг назад и упёрся спиной в стену. Стена оказалась мягкой, тёплой, пульсирующей — как живая плоть. Он отдернул руку, но стена уже облепила ладонь, потянула к себе, втягивая в кафель.

— А ну пошёл вон, — рывкнул Ярый, выдирая руку. Кожа на запястье осталась на стене — тонкий лоскут, под которым виднелась свежая мясная мякоть. Но боли не было. Только холод.

Пётр-монстр уже почти добрался до него. Скрюченные пальцы тянулись к горлу, из раскрытой пасти капала слюна, смешанная с кровью.

— Прости... — шептал он. — Прости... Прости...

Ярый не стал ждать. Он сделал то, что делал всегда в безвыходной ситуации — ударил первым. Ногой в пах. Кулаком в челюсть. Головой в переносицу. Монстр взвизгнул, отшатнулся, но не упал. Он был сделан из кошмара — его нельзя было победить физически. Это Ярый понял, когда его кулак прошёл сквозь чужую голову, как сквозь дым.

— Бесплезно, — сказал Пётр его голосом, но уже с улыбкой. — Ты в моём сне. А во сне я главный. Ты должен меня бояться. Ты должен...

— Я никому не должен, — перебил Ярослав.

Он закрыл глаза. Глубоко вдохнул. Выдохнул. Представил себя не здесь, а на той базе — в бараке, на кровати, с автоматом под боком. Представил запах пороха, ощущение холодного металла, вес оружия. И когда Пётр снова потянулся к нему, Ярый не отшатнулся, а шагнул навстречу. И прошёл сквозь него.

Монстр за спиной взвыл, но звук быстро затих. Ярослав открыл глаза — он стоял посреди своей комнаты на базе. Керосиновая лампа догорала, чадила. На столе стояла недопитая бутылка. Автомат лежал на одеяле.

— Проснулся, — констатировал он.

За окном уже серело. Где-то вдалеке запела птица. Ярый сел на кровати, потёр лицо ладонями. Рука болела — там, где стена содрала кожу. Но на самом запястье не было никакой раны. Только серая полоска — метка — стала чуть шире.

— Значит, так, — сказал он вслух. — Каждую ночь они будут приходить. Приводить тех, кого я убил. Требовать прощения. Превращаться в монстров, если не получат. Классический метод запугивания. Умно.

Он встал, налил остатки водки в кружку, выпил. Крякнул, занюхал рукавом.

— Но есть одна проблема, господа советники. — Он посмотрел в потолок, хотя знал — они его не видят. — Я не боюсь мёртвых. Я сам почти мёртвый. И я не прошу прощения. Никогда. Это не в моих правилах.

Он оделся, повесил автомат на плечо, вышел на улицу. Рассвет разливался над лесом — серый, промозглый, обещающий дождь. Где-то там, за деревьями, осталась его машина с пустым баком, брошенный «УАЗ», который теперь уже никто не найдёт. Но Ярослав решил: он не вернётся в город. Не сейчас. Сначала он разберётся с советниками.

Он обошёл базу по периметру. Два барака, вышка, ржавый трактор. Ни следа человеческого жилья, кроме той комнаты, где он ночевал. Второй барак оказался пуст — голые стены, разбитые окна, кучи мусора. Но в дальнем углу Ярый нашёл люк. Железный, присыпанный землёй, с массивной ручкой.

Он поднатужился, открыл. Из люка пахнуло сыростью и чем-то кислым. Вниз вела ржавая лестница. Ярослав достал фонарик (нашёлся в кармане разгрузки — маленький, светодиодный) и полез.

Подвал оказался небольшим — метров десять на десять. Бетонные стены, земляной пол. В центре стоял старый сейф, весь в царапинах и вмятинах. Сейф был открыт. Ярый заглянул внутрь — пусто. Только на дне лежала ещё одна записка. Та же бумага, тот же почерк.

«Ярослав. Ты ищешь выход. Его нет. Ты ищешь врага. Он — ты сам. Первый урок начинается сегодня в полночь. Приготовься. P.S. Водку мы не оставили. Но в сейфе есть пистолет. Заряжен. На всякий случай.»

Ярый выругался сквозь зубы. Засунул руку в сейф, нащупал пистолет. Макаров, старенький, но смазанный и готовый к бою. Он сунул его за пояс, проверил магазин — полный.

— В полночь, значит, — сказал он. — Хорошо. Я буду ждать.

Он выбрался из подвала, закрыл люк, подошёл к вышке. Забрался наверх по скрипучим перекладинам. С высоты открывался вид на лес — бесконечное море зелёного, с вкраплениями бурых пятен. И на горизонте — что-то странное. Столб света. Не солнечного — неестественно белого, ровного, как лазерная указка. Он упирался в небо прямо в том месте, где ночью висела багровая звезда.

— Падение, — понял Ярый. — Что-то упало. Или кто-то.

Он спустился вниз, достал компас. Столб света находился на северо-востоке, примерно в десяти километрах. Туда же вела старая лежнёвка, по которой он ехал ночью. Ярослав колебался недолго.

— Урок в полночь. А сейчас — утро. Успею сходить и вернуться.

Он закинул автомат за спину, поправил разгрузку и зашагал в лес. Не к базе, а от неё — вглубь тайги, туда, где небо касалось земли ослепительным белым лучом.

Лес встретил его тишиной. Ни зверей, ни птиц, ни ветра. Только хруст гравия под ботинками и собственное дыхание. Ярослав шёл быстро, не сбавляя шага. Через час он вышел к воронке — огромной, метров двадцать в диаметре. Края оплавлены, земля спеклась в стекло. В центре воронки лежало нечто.

Он приблизился. Оно было чёрным, гладким, яйцевидной формы. Метра два в высоту. Поверхность переливалась, как нефтяная плёнка, и пульсировала — медленно, ритмично, как сердце. Из объекта исходило тепло. Ярый дотронулся до него кончиком ножа — нож задрожал и покрылся инеем. Парадокс: горячее снаружи, холодное внутри.

— Что ты такое? — спросил он вслух.

Объект не ответил. Но по его поверхности пробежала рябь, и в этой ряби Ярослав увидел отражение — не своё. Другое лицо. Женское. Молодое. С испуганными глазами.

— Помоги, — прошептало отражение. — Пожалуйста. Они забрали меня. Я не хотела. Я не знала...

— Кто — «они»? — спросил Ярый.

Но отражение исчезло. Объект снова стал чёрным и безмолвным. Только пульсация участилась.

Ярослав отошёл на несколько шагов, достал сигарету (последнюю, найденную в пачке), закурил. Мысли метались. Советники. Уроки. Мёртвые во сне. База. Теперь это. Всё было связано — он чувствовал нутром. И эта связь вела к нему.

— Ладно, — сказал он, туша бычок о подошву. — Разберёмся.

Он не стал трогать объект. Не потому, что испугался — потому что знал: некоторые вещи лучше не открывать до времени. Он запомнил место, смерил расстояние шагами, прикинул ориентиры. Потом развернулся и пошёл обратно на базу.

Время близилось к полудню. Небо затянуло тучами, запахло дождём. Ярослав вернулся в барак, наскоро перекусил галетами, запил водой из колодца (нашёл его за вышкой, вода ока-

залась чистой). Потом лёг на кровать, положив автомат на грудь, и закрыл глаза. Но не спал — просто лежал, слушая тишину и готовясь к ночи.

Он знал: советники не врут. В полночь начнётся первый урок. И он будет страшнее, чем мёртвый цеховик Петраков. Потому что первый урок — он всегда самый важный. Либо ты ломаешься, либо учишься ломать других.

— Я не сломаюсь, — сказал Ярый потолку. — Слышите, куклы в сером? Я не сломаюсь.

За окном начался дождь. Крупные капли барабанили по жестяной крыше, смывая следы, запахи, время. Ярослав лежал неподвижно, и на губах его застыла усмешка — та самая, с которой он шёл в бой, когда шансов не было. А сейчас шансов не было тем более. Но он всё равно шёл.

В полночь урок должен был явиться сам.

А Ярослав был готов его встретить.

Глава вторая. Урок первый

Дождь кончился ровно в полночь. Не стих, не перешёл в морось — именно кончился, словно кто-то повернул невидимый кран. Тишина ударила по ушам так, что Ярослав невольно сжал челюсти.

Он сидел на кровати, не раздеваясь, автомат на коленях, пистолет Макарова за поясом. Нож — тот самый, армейский, снятый с убитого штурмовика, — лежал под подушкой. Ярый не верил, что физическое оружие поможет против того, что должно прийти. Но привычка есть привычка.

— Выходите, — сказал он в пустоту. — Не стесняйтесь.

Сначала ничего не произошло. Потом лампа — керосиновая, почти догоревшая — начала мигать. Не хаотично, а ритмично: три вспышки, пауза, три вспышки. Как сигнал. Ярый проследил взглядом за тенью от лампы — она не лежала на полу, как положено, а ползла вверх по стене, вытягивалась, толстела.

Тень отделилась от стены.

Она была чёрной, плотной, маслянистой, без черт лица и тела — просто сгусток тьмы в форме человека. Но внутри этой тьмы Ярослав различал движение. Сотни, тысячи крошечных искр, которые метались, как испуганные светлячки.

— Урок первый, — произнесла тень голосом советника. Тем самым — бесполом, вежливым, до рвоты спокойным. — Называется «Чужие глаза».

— Оригинально, — хмыкнул Ярый. — А можно сразу «Бочку», как вы обещали? Я уже настроился.

— «Бочка» — для тех, кто чувствует вину. Ты не чувствуешь. Значит, начнём с другого.

Тень шагнула вперёд. Ярослав вскинул автомат, но палец замер на спусковом крючке. Стрелять в тень? Пули всё равно пройдут насквозь. Он опустил оружие, встал с кровати.

— Ты хочешь меня напугать? — спросил он. — У тебя ничего не выйдет.

— Я не хочу тебя пугать, — ответила тень. — Я хочу, чтобы ты увидел.

Она взмахнула рукой — точнее, тем, что было рукой. Искры внутри неё вырвались наружу, закружились по комнате, замерцали. Каждая искра росла, превращаясь в шар размером с кулак. Внутри каждого шара Ярослав увидел лицо.

Он узнал их не сразу. Первый шар — женщина лет тридцати, тёмные волосы, разбитая губа. Второй — мужчина в камуфляже, без половины лица. Третий — подросток, мальчик лет четырнадцать, с пустыми глазами. Потом пошли те, кого он не помнил. Много. Слишком много.

— Тридцать семь, — сказала тень. — Тридцать семь душ, которые оборвал ты. Не на войне. Не при исполнении. Просто так. За деньги. От страха. От злости.

— Я никого не убивал просто так, — глухо ответил Ярый.

— А Лидия Ковалёва? — Шар с женщиной приблизился. — Ты застрелил её в подъезде. Она возвращалась из аптеки. У неё был астматик-сын. Ты принял её за связную конкурентов.

Ярослав молчал. Он помнил этот день. 2015 год, осень, мокрый снег. Он тогда работал на одного человека — неважно кого. Задание было: убрать двух бойцов чужой группировки. Они жили в этом подъезде. Женщина просто вышла из лифта в неподходящий момент.

— Это была ошибка, — сказал он наконец. — Я не специально.

— А какая разница? — повторила тень слова Петракова из ночного кошмара. — Её сын остался без матери. Его забрали в детдом. Через два года он повесился. Ты убил не одного человека. Ты убил двоих. А счётчик всё идёт.

Шары кружились всё быстрее. Лица внутри них менялись — не старели, но искажались болью, страхом, ненавистью. Ярый смотрел на них, и впервые за много лет в груди шевельну-

лось что-то, кроме холодной злости. Не вина. Нет, вины он не чувствовал. Скорее усталость. Тяжелая, свинцовая, тянущая вниз.

— Что ты хочешь? — спросил он у тени. — Чтобы я заплакал? Попросил прощения? Лёг и позволил вам делать со мной что угодно?

— Я хочу, чтобы ты понял простую вещь, — тень снова обрела голос советника. — Ты не герой. Ты не воин. Ты не спасал никого, кроме себя. Ты — инструмент. Нож. Пистолет. Расходный материал. И с инструментов не спрашивают — их выбрасывают, когда они затупляются.

— А меня ещё не затупили, — усмехнулся Ярый, но усмешка вышла кривой.

— Посмотрим.

Тень щёлкнула пальцами — беззвучно, но шары в ту же секунду лопнули. Тьма, выпущенная из них, хлынула на Ярослава, скрутила, сжала. Он не мог пошевелиться, не мог вздохнуть. И сквозь эту тьму он увидел нечто, чего никогда не видел раньше.

Свою жизнь со стороны.

Не воспоминания — нет. Скорее фильм, снятый чужими глазами. Глазами тех, кого он убил. Он увидел себя молодым, только вернувшимся из первой «командировки». Он увидел, как входит в переулочек за мясокомбинатом, как замахивается прикладом. И в этот раз он не отвернулся. Смотрел до конца. На кровь. На застывающие зрачки Петракова.

Потом — подъезд, женщина с пакетом из аптеки. Он выстрелил ей в лицо с трёх метров. Не потому, что она была опасна. Потому что испугался. Потому что пальцы сами нажали на спуск.

Потом — ещё. И ещё. И ещё.

Ярослав не плакал. Но дышать стало трудно. Не от физической боли — от количества. Тридцать семь смертей. Тридцать семь жизней, которые он прекратил. И только пять из них были на войне. Остальные — здесь, в городе, в переулках, на лестничных клетках, в подвалах.

— Хватит, — выдохнул он.

— Ты понял? — спросила тень.

— Я понял, что ты хочешь меня сломать, — ответил Ярый, выпрямляясь. Тьма вокруг него треснула, как ледяная корка. — И у тебя не получится.

Он шагнул вперёд, прямо сквозь осколки, и ударил тень ногой. Не в надежде причинить боль — просто потому, что не умел иначе. Нога прошла сквозь сгусток тьмы, но тень качнулась. Сделала шаг назад.

— Интересно, — сказала она другим голосом. Не советника — своим, живым, удивлённым. — Ты можешь влиять на структуры Междумирья волей. Это редкость.

— Я вообще редкий, — огрызнулся Ярый.

— Это не комплимент. Это диагноз. Такие, как ты, либо становятся палачами, либо жертвами. Третьего не дано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.